

Проектъ закона о старообрядческихъ общинахъ, предложенный Государственному Совѣту Особой его Комиссией.

**Основанія проекта и отличія его отъ законопроекта Г. Думы.
Текстъ закона, предложеннаго Комиссией.**

Особая Комиссія Государственнаго Совѣта, которой было поручено разсмотрѣнiе проекта закона о старообрядческихъ общинахъ, поступившаго изъ Государственной Думы, только что окончила свои труды. Комиссія выработала свой проектъ закона и присоединила къ нему докладъ, разъясняющій ходъ ея соображеній.

Въ виду необходимости не задерживать выхода настоящей книги мы не имѣемъ возможности подвергнуть проектъ Комиссiи вполнѣ подробному разбору и ограничиваемся обращенiемъ вниманiя на его основанiя и главныя отличiя отъ законопроекта, принятаго Г. Думой, и приведенiемъ самаго текста проекта, предлагаемаго комиссией.

Въ общемъ уже самое содержанiе доклада Особой Комиссiи Государственнаго Совѣта показываетъ, что она отнеслась къ вопросу серьезнѣе и осторожнѣе, чѣмъ это сдѣлали Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Государственная Дума.

Комиссія Государственнаго Совѣта не послѣдовала примѣру Государственной Думы и не пошла лишь по пути, указанному Министерствомъ. Она самостоятельно подвергла обсужденiю самыя принципы, на которыхъ должно основываться все вѣроисповѣдное законодательство въ Россiи.

Въ своемъ докладѣ Особая Комиссія Государственнаго Совѣта прежде всего справедливо отмѣчаетъ „первостепенную важность и особое государственное значенiе законопроекта, а равно чрезвычайную сложность и обширность затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, требующихъ всесторонняго освѣщенiя

и крайне обдуманнаго и осторожнаго ихъ разрѣшенія“¹⁾. Коммиссія приняла затѣмъ во вниманіе, что искусственное выдѣленіе вопроса о старообрядцахъ изъ другихъ вѣроисповѣдныхъ налагаетъ на Государственный Совѣтъ обязанность установить принципиальныя начала новаго вѣроисповѣднаго законодательства. Къ числу такихъ началъ Коммиссія относитъ „правильно понимаемую государственность“, совершенное невмѣшательство государства во внутреннюю жизнь религіозныхъ союзовъ и согласованіе съ Основными Законами Имперіи, касающимися вѣры.

Нельзя однако не замѣтить, что первое начало очень неопредѣленно и едва ли можетъ служить яснымъ и общимъ руководствомъ въ дѣлѣ законодательства. Оно само представляетъ нѣчто сложное, опирающееся на тѣ или другіе болѣе простые принципы. Что это значитъ „правильно понимаемая государственность?“ Люди разныхъ взглядовъ на государство обыкновенно убѣждены, что они то правильно и понимаютъ государственность.

Не совсѣмъ удачно затѣмъ поясняетъ Коммиссія принципъ невмѣшательства государства въ религіозную жизнь, повидимому, связывая его съ необходимостью безразличнаго отношенія государства къ религіи²⁾.

Но мы уже говорили, что такое невмѣшательство государства вытекаетъ изъ его природы и особенностей религіозной жизни человѣка, а вовсе не изъ безразличія со стороны государства къ религіи. Государство, какъ мы видѣли, не должно разрывать связь съ религіей и провозглашеніе безразличія для него въ этой области толкаетъ государство на путь обращенія въ атеистическое.

Сама Коммиссія настаиваетъ на необходимости для государства судить о допустимости религіозныхъ союзовъ съ точки зрѣнія вреда для общественной нравственности и требованій началъ государственнаго строя и порядка. Но гдѣ же твердый критерій этой общественной нравственности? Выше мы обращали вниманіе, что для этого-то госу-

¹⁾ Государственный Совѣтъ. Сессія V, Особая Коммисія для обсужденія законопроекта о старообрядческихъ общинахъ № 6, Докладъ по дѣлу о старообрядческихъ общинахъ стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 15

дарству какъ разъ и необходимо поддерживать связь съ религіей, и это подтверждаютъ и нѣкоторые представители науки государственнаго права. По отношенію же къ такому государству, какъ Россія, гдѣ Основными Законами установленъ принципъ господствующей Церкви, требовать безразличія государства къ религіи—значить итти въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ.

Соображенія Коммиссіи о такомъ безразличіи государства тѣмъ страннѣе, что она тутъ же категорически заявляетъ о необходимости положить въ основаніе русскаго вѣроисповѣднаго законодательства поддерживаемое Основными Законами значеніе въ Россіи Православной Церкви.

Придерживаясь указанныхъ основныхъ положеній Коммиссія, по ея разъясненію, пришла къ твердому убѣжденію, что всѣ тѣ правила одобреннаго Государственною Думою законопроекта о старообрядческихъ общинахъ, которыя не согласны съ изъясненною общею точкою зрѣнія и клонятся: или къ приказанію законодательнымъ порядкомъ за старообрядчествомъ значенія церковнаго установленія, его іерархіи, либо къ предоставленію общинамъ старообрядцевъ и ихъ духовнымъ лицамъ такихъ преимуществъ, которыми располагаетъ только господствующая Православная Церковь, или такихъ новыхъ, не дарованныхъ имъ правъ, которыми могутъ быть поколеблены интересы Православія и другихъ, признанныхъ государствомъ церковей и вѣроисповѣданій, должны быть устранены изъ проекта. Сюда, напримѣръ, относится предоставленіе старообрядцамъ свободнаго, ничѣмъ не опредѣляемаго, права проповѣдыванія ихъ вѣры, присвоеніе ихъ духовнымъ лицамъ іерархическихъ наименованій служителей Православной Церкви, неограниченное никакими условіями право устройства религіозныхъ процессій, широкое право устроенія всякаго рода просвѣтительныхъ учреждений, предоставленіе общинамъ несвойственныхъ ихъ религіознымъ и духовнымъ цѣлямъ имущественныхъ и торгово—промышленныхъ правъ, обязательность возложенія на духовныхъ лицъ старообрядческихъ общинъ веденія метрическихъ книгъ, а равно всѣ тѣ правила, которыми предоставляется органамъ управленія старообрядческихъ общинъ несвойственное имъ значеніе административныхъ установленій. При этомъ, по мнѣнію Коммиссіи, изъ обсуждаемаго проекта подлежатъ исклю-

ченію и всѣ тѣ правила, которыя вносятъ подробную регламентацію во внутренній строй старообрядческихъ общинъ, ненужную, съ точки зрѣнія государственной, и стѣснительную для самихъ общинъ.

Предполагаемая измѣненія, какъ полагаетъ комиссія, не поколеблютъ въ существѣ тѣхъ правъ, которыя уже дарованы всѣмъ старообрядцамъ Указомъ 17 Апрѣля 1905 г., и будутъ относиться преимущественно къ такимъ правиламъ, которыя внесены впервые Государственной Думой или къ такимъ подробностямъ, относящимся къ учрежденію старообрядческихъ общинъ, исправленіе которыхъ въ предугазанномъ направленіи не должно невыгодно отразиться на дѣятельности общинъ, уже учрежденныхъ по правиламъ Указа 17 Октября 1906 года.

Обращаясь къ отдѣльнымъ статьямъ проекта, составленнаго Особой Коммиссіей Государственнаго Совѣта, мы находимъ немало измѣненій не только въ ихъ редакціи и расположеніи, но и въ самомъ ихъ содержаніи сравнительно со статьями законопроекта, принятаго Государственной Думой.

Прежде всего Особая Коммиссія по большинству голосовъ признала болѣе осторожнымъ исключить изъ проекта Г. Думы терминъ: „священнослужители по старообрядчеству“ и сохранить въ законѣ лишь наименованія, употребленныя въ Указахъ 17 Апрѣля 1905 года и 17 Октября 1906 года, т. е. „духовныя лица, настоятели и наставники“... (Проектъ Министерства Вн. Д. и Указъ 17 октября 1906 г. стр. 27). Внесеніе новаго термина въ законъ, какъ мы говорили въ главѣ III, вовсе не такое простое дѣло, какъ его старались представить нѣкоторые члены Г. Думы. Новый терминъ, допущенный въ законъ, сейчасъ же создаетъ извѣстный прецедентъ и можетъ дать основаніе къ дальнѣйшимъ выводамъ изъ этого, казалось бы, простого факта.

Коммиссія справедливо указываетъ, что употребленіе въ законѣ наименованія „священно-служители по старообрядчеству“ легко можетъ быть истолковано въ смыслѣ косвеннаго признанія за старообрядчествомъ церковнаго установленія и его іерархіи. А это по меньшей мѣрѣ не согласуется съ законами, устанавливающими особое положеніе въ Россіи Православной Церкви.

Если господствующею Православною Церковью, разсуж-

даетъ Коммиссія, старообрядческая іерархія отрицается и признается самочинною, то государство, находящееся въ единеніи съ Церковью, не можетъ безъ нарушенія интересовъ Церкви признавать противное и отказывать въ сохраненіи за первенствующею Церковью такихъ внѣшнихъ преимуществъ, которыя считаются ею необходимыми символами отличія отъ отпавшихъ отъ Церкви вѣроученій.

Далѣе, Особая Коммиссія Г. Совѣта не послѣдовала примѣру Г. Думы и въ томъ, что Г. Дума съ легкимъ сердцемъ и, повидимому, совершенно свободнымъ отъ какихъ-либо вполне опредѣленныхъ и твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, предоставила старообрядцамъ неограниченное право религіозной пропаганды въ Россіи.

Мы указывали, что вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ разрѣшенъ Г. Думой недостаточно обдуманно, какъ бы мимоходомъ, и въ явное противорѣчіе съ дѣйствующими въ государствѣ законами, которые дозволяютъ религіозную пропаганду лишь одной Православной Церкви и которые тѣмъ не менѣе оставлены въ силѣ.

Особая Коммиссія, конечно, не могла игнорировать эти законы. Между прочимъ она обращаетъ особенное вниманіе на введенную въ дѣйствіе 90 Статью Уголовнаго Уложенія 1903 года, по которой подвергается наказанію, заключенію въ крѣпость на срокъ не свыше одного года или аресту, „виновный въ произнесеніи или чтеніи публично проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи, или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ“.

Этимъ закономъ и опредѣляются, по мнѣнію Коммиссіи, тѣ границы, въ которыхъ свобода проповѣди допускается. Имъ не ограничивается ни проповѣдь, входящая въ чинъ богослуженія, произносимая духовными пастырями въ средѣ вѣрующихъ, въ церкви, молитвенномъ домѣ, въ смыслѣ поученія, обращеннаго къ своей паствѣ, ни простое догматическое изложеніе своего вѣроученія, не направленное къ прозелитизму, къ пропагандѣ въ средѣ православныхъ. Имъ воспрещается, собственно, не проповѣдь въ обыкновенномъ общежитейскомъ смыслѣ, а именно, проповѣдываніе, какъ

пропаганда своего вѣроученія, въ цѣляхъ его распростра-ненія, въ цѣляхъ привлеченія новыхъ послѣдователей, въ намѣреніи совращенія изъ православія.

„Право свободнаго распространенія своего вѣроученія въ государствѣ, имѣющемъ господствующую Церковь, отнюдь не можетъ быть допускаемо внѣ предѣловъ, установленныхъ его законами. Оно вовсе не вытекаетъ изъ отвлеченнаго начала свободы совѣсти, ибо нѣтъ такой свободы, которая бы не ограничивалась условіями общежитія въ государствѣ, коль скоро она проявляется въ какой либо дѣятельности и выходитъ за предѣлы внутренняго міра человѣка“.

Коммиссія отмѣчаетъ также, что провозглашеніе свободы проповѣди будетъ принято и истолковано старообрядцами, какъ признаніе государствомъ и закономъ правоты ихъ ученій. Въ такомъ же смыслѣ это можетъ быть понято и малограмотнымъ православнымъ населеніемъ.

Внесеніе Г. Думой въ законопроектъ начала свободы пропаганды Коммиссія находитъ не соображеннымъ съ практическими послѣдствіями и построеннымъ исключительно на отвлеченномъ предположеніи неотдѣлимости свободы вѣры отъ свободы проповѣди, едва ли правильномъ въ самомъ его основаніи, ибо исповѣданіе вѣры есть личное общеніе человѣка съ Богомъ, пропаганда же заключается въ дѣйствіяхъ, направленныхъ на другихъ лицъ, а потому могущихъ съ точки зрѣнія государственной подлежать регламентаціи.

Вообще Коммиссія справедливо признала, что поправкой Г. Думы затрагивается общій вопросъ, требующій особаго рѣшенія, и потому она исключила изъ закона выраженіе, которымъ старообрядцамъ представлялось бы свободное проповѣданіе вѣры.

Мы говорили, что одинъ изъ важныхъ недостатковъ проекта Министерства Вн. Д. и Г. Думы составляетъ отсутствіе въ самомъ законѣ яснаго опредѣленія предмета, къ которому относится спеціальнѣйшій законъ о старообрядческихъ общинахъ. При неизвѣстности, что нужно понимать подъ старообрядчествомъ, выродившимся въ разныя одна другую отвергающія секты, чиновникамъ, примѣняющимъ законъ, придется руководиться въ этомъ своимъ собственнымъ соображеніемъ и усмотрѣніемъ.

Особая комиссія Г. Совѣта, повидимому, замѣтила этотъ, недостатокъ. При такихъ условіяхъ ей нужно было или ввести въ законъ ясное опредѣленіе тѣхъ, для кого онъ предназначается, или отказаться отъ изданія спеціальнаго закона для старообрядцевъ.

Но Особая Комиссія, очевидно, также оказалась не въ состояніи дать ясное опредѣленіе старообрядчества, но и не рѣшилась вовсе отвергнуть путь, на который вступило Министерство Вн. Д. и Г. Дума въ своемъ желаніи выдѣлить религіозныя старообрядческія общины изъ всѣхъ другихъ.

Комиссія пытается держаться какой-то едва-ли возможной середины. Она какъ бы прикрываетъ этотъ недостатокъ закона и рассчитываетъ ослабить его вліяніе включеніемъ въ законъ въ видѣ новой статьи указанія, что дѣйствіе правилъ закона „не распространяется на именующихъ себя старообрядцами послѣдователей вѣроученій или согласій, противныхъ законамъ, ограждающимъ государственный порядокъ и общественную нравственность“...

Но развѣ этимъ устанавливаются ясно предѣлы примѣненія спеціальнаго закона? Среди разныхъ религіозныхъ обществъ найдется немало съ ученіемъ, не противнымъ законамъ, ограждающимъ государственный порядокъ и общественную нравственность, и какимъ же образомъ опредѣлить, какія изъ нихъ должны быть признаны старообрядческими и могутъ пользоваться правами предоставляемыми спеціальнымъ закономъ.

По смыслу статьи, включаемой комиссіей въ законъ, выходитъ, что людямъ, добивающимся примѣненія къ себѣ разсматриваемаго закона, какъ-будто достаточно просто наименовать себя старообрядцами. Но такой порядокъ едва-ли соответствуетъ задачамъ государственнаго законодательства.

Особая Комиссія Г. Совѣта старается оправдать свои соображенія утвержденіемъ, что въ основѣ отношеній государства къ религіознымъ вѣроученіямъ должна лежать общегосударственная точка зрѣнія, по которой то или другое каноническое опредѣленіе вѣроученія не имѣетъ рѣшающаго значенія. Такое опредѣленіе по мнѣнію Комиссіи имѣло бы значеніе, если бы законъ преслѣдовалъ цѣль признанія старообрядчества въ качествѣ „церковнаго установленія“. Но разсматриваемый законъ лишь предоставляетъ старооб-

рядцамъ „учрежденіе общинъ съ тѣми правами юридическихъ лицъ, которыя могутъ быть признаны за ними въ качествѣ религіозныхъ союзовъ, терпимыхъ государствомъ. Въ этихъ только видахъ, полагаетъ Коммиссія, въ связи съ тѣмъ порядкомъ легализаціи общинъ, который долженъ быть установленъ правилами сего положенія, въ законѣ должно быть дано необходимое для подлежащихъ властей указаніе, кому, изъ именуемыхъ себя старообрядцами не можетъ быть предоставлено право учрежденія общинъ. Не всякая совокупность лицъ, исповѣдующихъ то или иное вѣроученіе, можетъ пользоваться правами религіозныхъ общинъ. Для предоставленія имъ такихъ правъ необходимо признаніе правительственной властью, что вѣроученіе ихъ не противно законамъ, ограждающимъ государственный порядокъ и общественную нравственность.“

Но въ томъ-то и дѣло, что Министерство Вн. Д. и Г. Дума совершенно не расположены относить старообрядчество ко всѣмъ другимъ религіознымъ союзамъ, терпимымъ государствомъ. Они стремятся выдѣлить старообрядчество, какъ одно цѣлое, изъ прочихъ религіозныхъ обществъ и нормировать его жизнь особымъ закономъ. При такихъ условіяхъ признаніе правительственной власти, что вѣроученіе старообрядцемъ не противно законамъ, нисколько не поможетъ при разрѣшеніи основнаго вопроса, возбужденнаго спеціальнымъ закономъ, къ кому же собственно онъ примѣнимъ и какъ отличить среди религіозныхъ союзовъ именно старообрядческіе.

Напрасно Коммиссія заводитъ въ этомъ случаѣ рѣчь о церковно-каноническомъ опредѣленіи. Государство, издавая общій законъ для старообрядчества, если не желаетъ руководствоваться церковнымъ опредѣленіемъ, во всякомъ случаѣ само должно дать ясное понятіе о старообрядствѣ съ указаніемъ, какъ требуется логикой, существенныхъ его признаковъ.

Если же этого почему-либо нельзя сдѣлать, то нечего и выдѣлять старообрядческія общины въ особую категорію, и нужно подчинить ихъ дѣйствию общаго закона о религіозныхъ обществахъ, не принадлежащихъ къ Церкви.

Такимъ образомъ проектъ закона о старообрядческихъ общинахъ и послѣ разсмотрѣнія его въ Особой Коммисіи Г.

Совѣта остается безъ яснаго опредѣленія, къ кому его примѣнять.

Въ отношеніи къ вопросу о числѣ членовъ для образованія общины Коммиссія признала установленное Г. Думой число 12 недостаточнымъ и увеличила его до 50 совершеннолѣтнихъ лицъ мужскаго пола съ предоставленіемъ Министру Вн. Дѣлъ права при разбросанности и малочисленности старообрядческихъ селеній уменьшать это число до 25 человѣкъ.

Устройство управленія старообрядческихъ общинъ, какъ союзовъ религіозныхъ, не должно, по справедливому мнѣнію Коммиссіи, отличаться сложностью и заключать въ законѣ подробную регламентацію всего того, что относится ко внутреннему строю общинъ. Однако Коммиссія сохраняетъ въ своемъ проектѣ требованіе отъ учредителей общины указанія въ своемъ заявленіи, признаетъ-ли ихъ вѣроученіе или согласіе духовныхъ лицъ, настоятелей и наставниковъ. Вѣдь вопросъ о духовныхъ лицахъ относится ко внутреннему строю общинъ, и государству, руководящемуся принципомъ невмѣшательства въ религіозную жизнь, едва-ли не слѣдуетъ игнорировать этотъ вопросъ, особенно же въ виду рѣзкаго отличія въ отношеніяхъ къ нему разныхъ старообрядческихъ согласій.

Мы уже говорили, что для государства важно лишь знать, кто является отвѣтственнымъ представителемъ общины за соблюденіе въ ней законовъ и порядка.

Нѣсколько страннымъ кажется затѣмъ помѣщеніе въ законѣ, касающемся религіозной жизни старообрядцевъ, указанія, что имъ предоставляется учреждать низшія и ремесленные учебныя заведенія, общественныя бібліотеки и читальни. Все это легко можетъ выходить за предѣлы чисто религіозныхъ цѣлей и, если допустимо, то должно происходить въ установленномъ закономъ общемъ порядкѣ, а вовсе не на основаніи закона о старообрядческихъ общинахъ, какъ учрежденіяхъ религіознаго характера.

Вѣдь сама же Коммиссія нашла нужнымъ устранить изъ проекта Г. Думы указаніе на право общинъ образовывать ссудо-сберегательныя и торгово-промышленныя товарищества по несоотвѣтствію этого указанія самому назначенію закона.

Вообще Особая Коммиссія Г. Совѣта по многимъ вопросамъ старается занять какое-то среднее положеніе, недостаточно опредѣленное, и потому легко колеблющееся то въ одну, то въ другую сторону. Особенно замѣтно это отразилось на отношеніи Коммиссіи къ вопросу о веденіи старообрядческими общинами актовъ гражданскаго состоянія. Г. Дума, какъ извѣстно, сдѣлала это обязанностью общинъ. Коммиссія же Г. Совѣта, принимая во вниманіе возраженія противъ возложенія этой обязанности со стороны нѣкоторыхъ старообрядцевъ, предоставила, какъ при образованіи общины по заявленію учредителей, такъ и впослѣдствіи по ходатайству общины, освободить ее отъ обязанности вести метрическія книги. Мало этого, если община по сложеніи съ нея этой обязанности вдругъ почему-либо раздумаетъ и захочетъ снова принять ее на себя, то она можетъ просить объ этомъ губернское правленіе, которое по признаніи ходатайства достаточно обоснованнымъ опять предоставляетъ общинѣ право веденія метрическихъ книгъ.

Желая возможно лучше обезпечить правильность веденія метрическихъ книгъ, Коммиссія вводитъ въ законъ новую статью. При обнаруженіи неправильнаго исполненія общинами этой обязанности губернское правленіе требуетъ устраненія неправильностей, а при безуспѣшности этого, дѣлаетъ распоряженіе о передачѣ веденія книгъ указаннымъ въ законѣ общественнымъ учрежденіямъ или должностнымъ лицамъ. Но и въ этомъ случаѣ общины могутъ ходатайствовать о возстановленіи имъ права веденія метрическихъ книгъ.

Вообще Коммиссія почему-то желаетъ расположить старообрядческія общины къ выполненію этого важнаго для государства дѣла и, чтобы не пугать старообрядцевъ новымъ для него названіемъ веденія „книгъ гражданскаго состоянія“, настаиваетъ даже на замѣнѣ его въ законѣ выраженіемъ: „метрическія книги“.

Выше уже была разъяснена необходимость передачи веденія актовъ гражданскаго состоянія какимъ-либо гражданскимъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ. Коммиссія Г. Совѣта, какъ видимъ, не только не стала на путь удовлетворенія этой важной государственной потребности, но едва-ли еще болѣе не осложнила выполненіе этого дѣла.

Если общины не обязаны, а только могутъ вести метрическія книги, если общины могутъ быть лишены этого права или по собственному желанію отказаться отъ него, а при согласіи губернскаго правленія снова заниматься этимъ дѣломъ, то спрашивается, въ какомъ же положеніи окажутся, наприм., судебныя учрежденія при разсмотрѣннй силы метрическихъ выписей. Для обезпеченія ихъ законности и правильности придется требовать представленія при нихъ еще удостовѣреній губернскаго правленія въ томъ, что такая-то община ведетъ метрическія книги, а такая то лишена этого права или сама отказалась отъ него.

Всѣмъ этимъ Особая Коммиссія лишній разъ только подтвердила справедливость указанія, что вопросъ о веденіи въ Россіи актовъ гражданскаго состоянія ясно требуетъ полнаго пересмотра и возможно скорого рѣшенія. По отношенію же къ возникающимъ религіознымъ общинамъ веденіе этихъ актовъ должно быть немедленно поручено какимъ-либо гражданскимъ учрежденіямъ или лицамъ.

Многіе ссылаются на недостатокъ чиновниковъ или нежеланіе общественныхъ учрежденій принимать на себя это дѣло. Но развѣ подобныя обстоятельства могутъ служить основаніемъ въ столь важномъ вопросѣ и развѣ ими можно оправдать возможность допущенія великой путаницы въ гражданскихъ правахъ населенія Россіи?

Въ числѣ другихъ измѣненій проекта Г. Думы, предположенныхъ Коммисіей Г. Совѣта, нельзя не упомянуть о включеніи новыхъ статей по вопросу объ освобожденіи духовныхъ лицъ старообрядцевъ отъ воинской повинности.

Министерство Вн. Д., а за нимъ и Г. Дума, въ своихъ законопроектахъ написали, что духовныя лица, внесенные установленнымъ порядкомъ въ реестръ, освобождаются отъ призыва на военную службу.

Такимъ образомъ выходитъ, что сколько бы духовныхъ лицъ у старообрядческихъ общинъ ни оказалось, они всѣ должны пользоваться важною въ государственномъ отношеніи льготою. Легко вообразить себѣ, что могло бы получиться при доступности образованія общины въ 12 человѣкъ и при отсутствіи ограниченія въ законѣ числа лицъ, пользующихся такой соблазнительной льготой.

И вотъ Коммиссія въ огражденіе интересовъ государства

признала необходимымъ установить норму для духовныхъ лицъ, освобождаемыхъ отъ воинской повинности, и по отношенію къ нимъ ввести особую запись.

Число такихъ лицъ должно опредѣляться въ зависимости отъ числа членовъ общины. Въ общинахъ съ числомъ членовъ до 500 вносится въ запись одно духовное лицо, наставникъ или настоятель, и затѣмъ на каждые 500 членовъ можетъ быть вносимо по одному лицу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Министру Вн. Д. предоставляется въ особо уважительныхъ случаяхъ разрѣшать внесеніе въ запись духовныхъ лицъ въ числѣ, превышающемъ указанный предѣлъ. Если это будетъ найдено необходимымъ по мѣстнымъ условіямъ для удовлетворенія религіозныхъ потребностей общины.

При установленіи числа членовъ общины въ 500 чело-вѣкъ Комиссіи слѣдовало бы во избѣжаніе недоразумѣній разъяснить, имѣеть-ли она въ виду лицъ обоого пола или только одного мужскаго.

Вообще же старообрядческимъ общинамъ по проекту Комиссіи не воспрещается имѣть произвольное число духовныхъ лицъ, но они уже не вносятся въ особую запись и не подлежатъ освобожденію отъ призыва на военную службу.

Указаніе духовныхъ лицъ для внесенія ихъ въ особую запись Комиссія отнесла къ свѣдѣнію общаго собранія членовъ общины, при чемъ этими лицами не могутъ быть 1) не достигшіе 25 лѣтъ, 2) подлежащіе призыву для отбыванія воинской повинности, а также находящіеся на дѣйствительной службѣ, 3) не умѣющіе читать и писать по русски и 4) иностранные подданные.

Постановленіе общаго собранія о внесеніи духовнаго лица въ особую запись должно быть предоставлено губернатору или градоначальнику, который дѣлаеть распоряженіе объ исполненіи этого, а въ случаѣ усмотрѣнія указанныхъ въ законѣ препятствій или нарушенія порядка выборовъ отказываетъ въ этомъ. О послѣдовавшемъ распоряженіи община извѣщается въ недѣльный срокъ.

О прочихъ духовныхъ лицахъ, избираемыхъ въ произвольномъ числѣ, Комиссія также обязываетъ общину сообщать губернатору или градоначальнику, и это сообщеніе служитъ доказательствомъ состоянія ихъ духовными лицами.

настоятелями или наставниками. Для избранія ихъ Коммиссія устанавливаетъ единственное ограниченіе—пребываніе въ иностранномъ подданствѣ.

Не совсѣмъ ясно, для чего собственно устанавливаетъ эти требованія закона Коммиссія, которая, по ея разъясненію, старалась послѣдовательно проводить правильный принципъ устраненія всякаго излишняго вмѣшательства государства во внутреннюю жизнь старообрядческихъ общинъ.

Для чего это губернатору или градоначальнику нужно знать о всѣхъ духовныхъ лицахъ общины, и самое доказательство ихъ духовнаго званія въ общинѣ соединять съ извѣщеніемъ губернатора или градоначальника?

Мы уже говорили, что государству нужно имѣть дѣло не съ духовными лицами общинъ, а съ ихъ отвѣтственными представителями.

Коммиссія, безъ сомнѣнія, предоставила старообрядцамъ по отношенію къ ихъ духовнымъ лицамъ болѣе свободы, чѣмъ это сдѣлано Г. Думой, но все же и въ этомъ вопросѣ она остановилась на полдорогѣ.

Придерживаясь вообще правильнаго пути невмѣшательства государства въ религіозную жизнь старообрядческихъ общинъ, Коммиссія не могла не измѣнить 46 статью законопроекта Г. Думы. Въ ней Г. Дума, старавшаяся возможно шире осуществить принципъ свободы совѣсти, дошла уже до того, что стала предписывать старообрядцамъ возлагать совершеніе богослуженій, таинствъ и духовныхъ требъ на духовныхъ лицъ, избранныхъ въ установленномъ порядкѣ. Не доставало только добавить въ законѣ о необходимости повѣрки этого права государственными чиновниками.

По поводу этого Коммиссія указываетъ, что государство не можетъ возлагать на духовныхъ лицъ такія обязанности, которыя имѣютъ своимъ источникомъ догматическую сторону религіознаго ученія. Поэтому Коммиссія должна была измѣнить редакцію 46 статьи проекта Г. Думы въ томъ смыслѣ, что для совершенія богослуженія и отправленія духовныхъ требъ община можетъ избирать духовныхъ лицъ.

Коммиссія Г. Совѣта нашла затѣмъ нужнымъ нѣсколько дополнить 52 статью проекта Г. Думы, по которой старообрядческимъ духовнымъ лицамъ разрѣшается носить церков-

ныя облаченія между прочимъ и при религіозныхъ процессіяхъ. Г. Дума, по мнѣнію Коммиссіи, не провела никакого различія для тѣхъ случаевъ, когда богослуженіе или требы совершаются внѣ молитвенныхъ зданій, церковныхъ оградъ, кладбищъ и домовъ частныхъ лицъ, на улицахъ или иныхъ публичныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ Коммиссія въ большинствѣ членовъ раздѣлила эти два рода случаевъ и признала, что употребленіе церковныхъ облаченій въ послѣднихъ случаяхъ требуетъ извѣстной регламентаціи, потому что такія дѣйствія, получая публичный характеръ, могутъ стѣснять нормальное теченіе жизни всѣхъ лицъ, даже не принадлежащихъ къ данной общинѣ, останавливать движеніе на улицахъ и требовать принятія особыхъ мѣръ для поддержанія порядка. Необходимость выдѣленія такихъ случаевъ выступаетъ тѣмъ сильнѣе, что въ нашихъ законахъ не существуетъ особыхъ правилъ для религіозныхъ процессій. Временныя правила закона о собраніяхъ, даже когда они происходятъ подъ открытымъ небомъ, не распространяются на собранія религіозныя.

Поэтому Коммиссія предлагаетъ предоставить духовнымъ лицамъ право носить принятія у старообрядцевъ церковныя облаченія, но употребленіе ихъ внѣ закрытыхъ помѣщеній, при религіозныхъ процессіяхъ, устраиваемыхъ на улицахъ и площадяхъ, а также за предѣлами церковныхъ оградъ и кладбищъ, допускается лишь по особому разрѣшенію мѣстной правительственной власти. Необходимость подобнаго ограниченія, какъ справедливо замѣчаетъ Коммиссія, признается законами наиболѣе культурныхъ государствъ Запада.

Наконецъ Коммиссія усмотрѣла въ проектѣ Г. Думы недостаточность правилъ по вопросу о порядкѣ принесенія жалобъ по дѣламъ старообрядческихъ общинъ. Въ нихъ не указано, какимъ порядкомъ производятся эти дѣла въ губернскихъ или городскихъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіяхъ. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Коммиссіи, должны примѣняться соотвѣтствующія постановленія закона 4 марта 1906 года объ обществахъ и союзахъ.

На этомъ основаніи Коммиссія измѣнила нѣкоторыя статьи проекта Г. Думы и сдѣлала законъ при разсмотрѣннн жалобъ болѣе опредѣленнымъ и лучше обезпечивающимъ права старообрядческихъ общинъ.

Этими замѣчаніями мы и вынуждены ограничиться по вопросу о проектѣ закона, составленномъ Особой Коммиссіей Г. Совѣта. По отношенію же къ тому, что оказывается у него общимъ съ законопроектомъ Г. Думы, можетъ служить сказанное нами равьше.

Во всякомъ случаѣ нужно быть очень благодарнымъ Особой Коммиссіи за то, что она съ подобающимъ важности дѣла вниманіемъ отнеслась къ разсмотрѣнію законопроекта, предложеннаго Г. Думой.

Въ общемъ Коммиссія вступила, по нашему мнѣнію, на болѣе правильный путь, чѣмъ Министерство Вн. Дѣлъ и Г. Дума. Она лишь робко и временами колеблясь пошла по пути.

Остается пожелать, чтобы Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи закона въ общихъ собраніяхъ придалъ закону еще болѣе правильное направленіе и твердо провелъ его

Основнымъ выраженіемъ правильного направленія закона со стороны Государственнаго Совѣта должно быть, какъ мы старались разъяснить въ этой книгѣ, *открытое провозглашеніе старообрядческихъ общинъ въ Россіи частными корпораціями.*

Н. Кузнецовъ.
